

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П64

Художник Марина Павликовская

Потапова, Светлана.

П64 Ремонт : Две повести : [для старш. шк. возр. : 16+] / Светлана Потапова ; [худ. Марина Павликовская]. — М. : КомпасГид, 2019. — 128 с.
ISBN 978-5-00083-496-1

Остросоциальная драма — так определяет жанр своих произведений Светлана Потапова. Ее героями становятся подростки, жизнь которых трудно назвать счастливой: они всегда на взводе и от мира ждут не подарков, а скорее оплеух. В этих историях, рассказанных от первого лица, нет ни одной фальшивой ноты, а место действия намеренно не названо, ведь такие сюжеты могли бы разворачиваться — и разворачиваются — где угодно.

Людмила из повести «Ремонт» бесконечно стыдится своей матери — бесхребетной, навязчивой, неспособной ее понять. А уж чем мать зарабатывает на жизнь... И у друзей Людмилы дела не лучше: у кого прошлое семьи рассекла страшная трагедия, у кого родители живут будто в другом веке, не замечая ничего вокруг. Таковы, кажется, все взрослые — оторванные от реальности, насквозь фальшивые или жестоко равнодушные. Но у Людмилы появляется шанс начать новую жизнь — выгрызть из мира хоть кусочек, где можно жить по собственным правилам, защититься от лицемерия, ставшего для других обыденным. Кто знает, может быть, взаимоотношения с близкими людьми тоже удастся починить — или проще их выкинуть, как старую рухлядь?

У Леры и Лены из рассказа «Она была похожа на инопланетянку», кажется, нет ничего общего, кроме того, что обе занимаются в модельной студии. У Лены семья самая обычная, и в модели ее отдали, чтобы высокий рост не пропадал зря и осанка исправилась. А Лера из обеспеченной семьи, родители ни в чем ей не отказывают, и теперь она хочет блистать на подиуме. Но после выпускного дефиле она исчезает — и только Лена догадывается, что гордая красавица, похожая на инопланетянку, попала в беду.

Журналист и педагог, Светлана Потапова обладает уникальным даром подмечать красноречивые детали и точно передавать живой подростковый язык. Повесть «Ремонт» в 2017 году вошла в лонг-лист премии «Книгуру».

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

ISBN 978-5-00083-496-1

© Потапова С. А., текст, 2019

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

РЕМОНТ

Автор просит считать случайными совпадения с реальными лицами и событиями

Вначале все дети любят своих родителей;
когда становятся старше, начинают их судить;
иногда они их прощают.

Оскар Уайльд

I

Мы трое стоим на балконе, держимся за руки и с открытыми ртами смотрим вниз. Снизу всё, наверное, выглядит как банальное подростковое глупое групповое самоубийство. Мы как те две девчонки, про которых писали в новостях: они сиганули с крыши многоэтажки, взявшись за руки, и предупредили об этом непонятно кого заранее в «Твиттере». Нипочём не хотела бы судить их теперь — никто на всём свете наверняка не знает, что́ их туда понесло. Но всё равно они дуры: вдруг из их тупика был выход, а они ни с кем не посоветовались. У них было время!

Я бы посоветовалась с Пашкой, он у нас самый умный. Ему уже восемнадцать, а нам с Чебурашкой по пятнадцать. Но Пашка стоит сейчас и держит нас за руки, и посоветоваться уже не успеть. Слышно, как стучат, звонят и орут за дверь нашей квартиры; громко говорит мужской бас: «Будем ломать!» И наше время из целой жизни вдруг спрессовалось почти до нуля. Этот остаток уходит по секундам, которые я чувствую: они бьют в мою грудную клетку.

Мне приходит странная мысль: мы с Пашкой, если б захотели, могли бы поцеловаться на прощанье над головой Чебурашки, который стоит между нами: такой он у нас

маленький. У него, Чебурашки, красивое лицо с длинными тёмными ресницами, голубыми глазами и всё такое, только уши подвели: оттопыриваются и большие, за что он и получил своё прозвище. У нас у всех почти прозвища, кроме девочек и Пашки. Это не со зла и не блатное, просто так удобнее: сразу всем понятно, что ты за человек...

Чебурашка появился в квартире первым. Примерно два месяца назад.

Я тогда узнала, что у меня есть собственная квартира. Случилось это в очередной ссоре с маман.

— Ты никто! — орала я ей. — Никто и звать тебя никак! Ты ходишь в чужих обносках, что тебе приносит тётя Оля! Ты в жизни хоть раз была в парикмахерской или родилась с этим седым шишом на голове вместо волос? Что толку, что я хорошо одета, у меня маникюр, если ты — мой позор?! Сегодня опять я врала, что ты не можешь прийти на собрание в школу! Училка сказала, ты все четыре года, с пятого класса, ни разу не была на собрании, может, ты миф? Все смеялись. Она не знает, что ты и всю начальную школу не была на собраниях! Даже первого сентября в первом классе ты стояла за забором школы. Ты хоть знаешь, как я ревела тогда??? Уйди с глаз моих! Ты уродище, а не мать!!!

— Люсенька, ты перестань, ты успокойся, — бормотала она.

Обозвала меня словом, которым называли людей в прошлом веке, а теперь издевается. Ещё один мой позор! Все девочки Миланы, Владлены, Евы или хотя бы Даши или Насти, одна я — Людмила! Только маман могла такое придумать! Да ещё переделать потом в кошачье имя Люся.

— Это имя значит «людям милая», — оправдывается каждый раз маман.

— Ага, щас! С этим именем жизнь кончается в пятом классе, когда проходят по литре «Руслан-и-Людмилу»!

Но она не понимает и не верит.

В общем, все наши ссоры с маман проходят по одной схеме. В тот раз я взъелась ещё и на нашу квартиру.

Маман её, конечно, убирает. Ещё бы не убирала — я её тогда бы просто прибила, наверное. Быть такой, как она, да ещё и не убирать, и не готовить суп, и не стирать — ну это вообще край. Но у нас бедно. По-настоящему бедно, а не так чтобы телик не той модели, или комп с маленьким экраном, или нет стеклопакетов. Хотя всё перечисленное, по-моему, тоже бедность.

Я не особо бывала в богатых квартирах, так что тут в описании у меня пробел. Но у нас советская квартира: вот как взяли и перенесли на машине времени из 1980-х годов всю обстановку, и обои даже сохранили. Обои бумажные, линялые какие-то, с цветочками, жалко обведёнными золотым. И вокруг выключателя на обоях сальные пятна от того, что тут, не глядя или в темноте, шарили руками много лет. Телевизор «Садко» с толстым стеклянным пузом показывает три канала чётко, ещё два — сквозь снег. Придётся сказать, хоть это вообще ужасно, что он чёрно-белый. Не знаю, с чем его сравнить. Наверно, с улыбкой заключённого негра. Белое, чёрное и очень грустно. Маман говорит, телик цветной она не успела купить в восьмидесятых, хотя стояла на очереди. Но купила другой предмет прошловековой роскоши — залакированную стенку, которую она называет полированной.

У меня глаза на секунду слепнут и им физически больно, когда я натыкаюсь на стенку взглядом. Это крепкое слоноподобное убожество простоит ещё двести лет, когда уже внуки маман сдохнут от бедности. Из крупных предметов есть ещё древний диван с пробоиной в середке, как старый корабль, в который попал снаряд (стоит ли уточнять, что по бокам у него лакированные перильца?). На диване сплю я. Маман спит на раскладухе на кухне. Не хочу терпеть её рядом с собой хотя бы ночью. Ещё в нашей общей комнате есть пара стульев с разными спинками и разными протёртыми сиденьями. И лакированный стол, за которым мне полагается делать уроки, — но я забила на это занятие года четыре назад. Прочие мелкие предметы, тщательно выстиранные маман или протёртые тряпочкой от пыли, не скрашивают, а подчёркивают нечеловеческую бедность крупных.

Я в тот вечер орала, что чёрт с ним, происхождением её денег, пусть только заработает на нормальную мебель и ремонт! У меня никогда, НИКОГДА в жизни не было гостей! Ни на дне рождения, ни в Новый год, ни в десять лет, ни в пять, ни в три — я бы это запомнила! Даже соседские дети не приходили, хотя нормас всех звать, если предков нету дома.

— Почему ты такая дрянь?! — орала я. — Ты испортила мне всю жизнь!!! Ну почему, почему ты такое ужасное ничтожество?

Я не какое-нибудь чмо. Я знаю, что мать надо уважать — это человек, который родил человека или даже нескольких и вырастил их, и всё такое. Но здесь, поверьте, другой случай.

И тут она, пригибая голову от того, как я на неё ору, вдруг говорит:

— Ну не такие уж мы бедные! Не у каждого есть ДВЕ квартиры!

Главная, единственная черта этого существа — слабость. Даже язык свой придержать оказалась не способна!

В тот же вечер я её заставила съездить вместе на загадочную вторую квартиру.

Мы вошли, и я опупела: она оказалась двухкомнатной. Какого фига она пятнадцать лет ругалась со мной в одной комнате — вернее, я ругалась на неё, — если мы могли тусоваться почти отдельно??? Дурнее этой дуры точно свет не видел!

Впрочем, я, наверное, поняла почему. Эта квартира была настоящий бомжатник. Из всей обстановки там стоял диван — корабль намного древнее, чем мой, и с дырой, которую невидимый снаряд пробил уже насквозь. Края дыры обожжены. Вместо стола — треснутая фанера, положенная на два кирпича и застеленная продуктовым пакетом. Этот пакет залит грязной водой, и в лужице плавают окурки. Вынутая сидуха от стула брошена на пол. Всюду: на столе, у ничем не занавешенного окна и даже под диваном — пустые бутылки, наверное, штук пятьдесят. Пол собран из кусков линолеума разных цветов и размеров, прибитых друг к дружке гвоздями. А на полу такой слоище пыли с грязью, что видно: от двери до дивана протоптана дорожка! Как тропинка в лесу, я не вру! Это всё, уточняю, в одной комнате. Во второй был такой вонизм, что, я подозреваю, прежние жильцы и их почтенные гости явно туда заворачивали, если

спяну забывали, где туалет. Чтобы из такой квартиры сделать жильё, надо столько бабла, сколько у нас никогда не будет.

Выяснилось, что тут жила моя бабушка. Материна мать. Не знала, что она существовала на свете. Ясен пень, такого бомжа и алкоголичку даже маман стеснялась. Есть же люди, которые позорят ласковые и невинные слова, как «мама», «бабушка». Эта ба...бомжиха сдохла недавно, вот так маман и получила хату. Тут до меня вдруг дошло, как всё смешно.

— А-ах-хренеть! — ржу я и остановиться не могу. — Так ты, получается, ненавидела свою мать так же, как я тебя???

Она застыла и руки трясутся.

— Неправда! — вдруг как закричит. Я никогда за пятнадцать лет не слышала, чтобы она кричала или вообще чем-то возмутилась. А тут у неё голос стал другой. — Я не такая, как она! Я именно против этого... боролась! Я всё делаю, чтобы у тебя жизнь нормальная была!

Тут уже я возмутилась.

— Нормальная??? ЭТО ты называешь НОРМАЛЬНОЙ жизнью? И это так ты борешься? Ты — говно, плывущее по течению!

Я бы матом на неё сейчас пошла, честное слово, так это было лживо, что она говорит. И вот тут, в запале, мне пришла в голову великолепная мысль. Я даже злиться на неё перестала. Как шарик воздушный, до предела надутый, лопнуть не успел: ниточка развязалась, и он резко сдулся.

— Пошла вон, — говорю я ей спокойнейшим голосом. — Ты тут болтанула, что бабка мне квартиру завещала. Я здесь хозяйка. Так вот, пошла вон. И чтобы я в своей жизни тебя

больше не видела. Деньги мне на карточку можешь перечислять. А можешь не давать. Сама заработаю.

— Люсенька, тебе же ещё пятнадцать лет, — гундосит она, и из глаз льётся. Ну, на это она легко способна — за этот артистизм ей деньги и дают.

Я сильно толкнула её и дверь за ней закрыла. Эта амёба постояла и ушла, было слышно, медленными оседающими шагами, как ходят старухи с палками.

У меня есть три-четыре дня, пока до неё дойдёт, что случилось, и она побежит жаловаться тётке Оле. Хорошо бы здесь сделать ремонт.

2

Весь тот вечер я драила свою квартиру. Нашла какое-то вонючее ведро — наверное, бомжиху в него рвало в запое, — отмыла его, налила воды и начала драить полы. С непривычки пролила кучу воды — я в жизни ещё не мыла полов. Надеюсь, не залила соседей — у меня пятый этаж. Настругала мыльной стружки в воду, и через полтора часа вторая комната не воняла ссакой, а в первой дорожка на полу, протоптанная в пыли, почти исчезла. Ночевать на таком диване, конечно, было нереально. И я позвонила Чебурашке.

Чебурашка прибыл через полчаса с огромным пакетом для мусора и раскладушкой, которую он пёр задыхаясь: я же говорила, что он маленький. Мы с Чебурашкой учимся в одном классе в самой стрёмной школе на свете. О ней я ещё расскажу, а может, нет, не стоит она того. Из всего нашего проклятого училками девятого класса Чебурашке, пожалуй, хуже всех. Он не выглядит на пятнадцать лет: как будто пятиклассник по ошибке зашёл со взрослыми дядями и тётями в класс. На голову ниже всех, а кого-то — и на полторы головы, бедный. Мне всё-таки не было бы его жалко, потому что у него есть мать и даже отец (у полкласса с последним экземпляром проблемы), и они (даже отец) иногда ходят

на собрания, и сына собой особо не позорят. Но Чебурашка ещё и отсталый. У него двойки и по математике, и по русскому, про английский я уж не говорю, причём с начальной школы. Он не дурак, наверное, потому что в первом классе учился на три и даже четвёрку однажды по математике получил. Он стал отсталым потом, когда школьная программа ушла вперёд, а Чебурашка за ней не успел.

Я уже давно поняла, что школьная программа — как телевизор. Причём чёрно-белый, как улыбка негра в застенках. Училки вещают нам что-то, как с экрана, и, если не успел услышать или понять, — всё, капец, ты отстал. Назад не перемотать, и повтора передачи не будет — я ж говорю, это чёрно-белый телик. В учебниках такая муть, что самому разобраться нереально, даже если вдруг кто-то бы захотел. Как будто языком племени мамбу написано, а не русским. Чтобы училка тебе что-то пояснила — это как если бы с экрана телика кто-нибудь высунулся по пояс и взял тебя за руку! А сами училки твердят как попки: «Если вы чего-то не понимаете — спрашивайте!» Агась, спросишь их. Я раз спросила алгебраичку про то, чего не понимала, — она как заорёт: «Ты что, тупая? Это же эле-мен-тар-но!!!» Так это для неё элементарно, а не для меня. И полкласса ту тему тогда не поняли. Больше никто не рискует спрашивать, спасибо.

Поэтому у большинства в классе репетиторы, и не по одному предмету: по матишу точно, по англишу обязательно. Я лично не понимаю физику и химию, алгебру и геометрию, хоть убей меня. В этих предметах так: если пропустишь,

попал на все следующие темы автоматом. Но я — мэтр по английскому и русскому. Я не учу ни фиги, просто у меня талант. К языкам. Наша Крестинка — Крестина Михайловна, англичанка, — говорит, что мне надо поступать на иняз.

На уроке у Крестинки месяца два назад мы подружались с Чебурашкой. Она злая пришла, как всегда, и говорит: «Контрольная. Доставайте листочки».

Чебурашка сидел один за партой, скрючившись, жил в смартфоне. У нас у всех смартфоны, даже у бедных и отсталых. Быть без смартфона — это как с соплей под носом ходить: вопрос внешнего вида. Так что и нищелородам родеки сбиваются на этот предмет и дарят хотя бы самый дешёвый, хотя бы на день рождения.

Чебурашка сидит за первой партой из-за роста, но глаз на училку не поднимает никогда. И они его в упор не видят. У родителей Чебурашки нет денег на репетиторов, как и у моей маман, так что он числится умственно отсталым и училки его не спрашивают. Взаимный негласный пакт о невмешательстве. Но в тот раз весь класс взволновался, и Чебурашка впервые на уроке поднял голову: Крестинка о контроше не предупреждала!

Такое запахло вообще многие училки делают. Вот русичка раз забыла нам задание задать и спрашивает на уроке. Мы ей смартфоны раскрыли и в нос тычем «Дневник.ру»: мол, нет тут вашего задания, смотрите! А она в смартфоны не смотрит, сама уже вспомнила, что не задавала. Поставила всем двойки, всему классу. Мы на перемене побежали к классной жаловаться. Классная открывает свой ноут, а там

в «Дневнике.ру» уже задание от русички появилось. И дата выставлена сегодняшняя, пять минут назад. Вот такая подлость.

Но к Кристинке у нас раньше хорошее отношение было. Мы её считали не училкой, а человеком — потому и кличка у неё по имени. Она к нам в школу пришла, когда мы в пятом учились. Весёлая такая была. И конфетки детям дарила. На каждом уроке, представляете, каждому ребёнку по конфетке. А потом скурвилась, стала как все училки. Конфет уже нет, и сорвётся, бывает, и всем двоек наставит, и орать начала, а раньше с нами песни пела на английском. Я слышала: ей завуч сказала, нечего, мол, песни петь, надо оценки выдавать нормальные и соответствовать программе. А программа по английскому такая, что без репетитора ни слова не понять. Картинок много только красивых в учебнике — он тупо перепечатан с иностранного, — так ведь что иностранцу хорошо, то русскому смерть.

Это что же, спрашивается, надо сделать с человеком, чтобы он в пятом классе дарил детям конфеты, а в девятом готов был убить ребёнка за невыученный урок!

Ну, ей к тому же двадцать шесть уже стало, а не двадцать два, Кристинке, так что она бесится, как наша кошка, когда её гулять не пускают. Где ей гулять, Кристинке то есть, когда тут мы да ещё завуч.

В общем, орёт Кристинка на уроке, что предупреждала нас о контроше, и всё тут. И вдруг вылезает из-за своей первой парты медленно так наш Чебурашка. И говорит обычным голосом, как будто и не на подвиг идёт, следующее:

— Вы нас не предупреждали о контрольной. Я НИКОГДА НЕ ВРУ.

Тут все в осадок выпали. В нашем классе есть люди, которые никогда не слышали Чебурашкиного голоса. Этому явлению природы только мне довелось внимать да ещё пяти-шести ребятам, кто учится с нами с первого класса. У нас, знаете, класс три раза перемешивали с другими: во втором классе нашу училку сократили из экономии и нас перевели к другой, в четвёртом число классов опять сократили из экономии, а потом мы в пятый перешли, там всех перемешивают... Тогда-то я, кстати, и стала плохо учиться — специально, а первые три года школы я была вообще отличницей. В засаде лучше не выделяться. Но я не об этом.

Некоторые даже не поняли, что случилось. А я за партией немного подскочила. Одно дело — всем классом идти против училки: наставит всем по-братски двоек, но никого конкретно не затроллит. А другое дело — вот так, одному, за всех заступиться. Чебурашка ведь, по сути, сказал Кристинке следующее: «Мы, ученики, тоже люди, мы имеем свою честь и достоинство, и я требую, чтобы вы признали это и свою ошибку».

Кристинка, может, этих нюансов и не успела понять, но она поняла вот что: если Чебурашка никогда не врёт — а он так это сказал, что все поверили, что это правда, — значит, врёт здесь она?

Тут она просто завизжала и заранее всем за контрошу поставила двойки. Мы не возражали, потому что сэкономили время и силы. А Чебурашка не стал героем. К обычным

насмешкам над ним от ребят всей школы и от училок всей школы прибавилось дополнительное: «А, это тот малыш, который врать ещё не научился?» Но мне плевать на всех. Я на том же уроке у Кристинки пересела за парту к Чебурашке — он всегда сидел раньше один. Уважаю людей, которые не похожи на амёб.

Вот я всё-таки и рассказала о нашей школе. Но для меня она примечательна только тем, что в ней учится Чебурашка.

3

Через четыре дня после моего переезда на новую квартиру (точнее будет, перехода, потому что вещей у меня набралось на одну сумку одежды), туда, как я и предсказывала самой себе, на разведку явилась тётя Оля.

Представляю, что, с её точки зрения, она тут увидела.

В центре одной комнаты на перевёрнутом ведре сижу я и команду. Чебурашка и Пашка с малярными кистями в руках красят потолок. Это с моей точки зрения. А с тётки-Олиной — в гостях у девочки пятнадцати лет находятся два мальчика, раздетые до пояса по случаю покраски. Причём один из этих мальчиков — высокий, с серо-зелёными необыкновенными глазами, худым лицом, немного длинным носом, пышной чёрной шевелюрой, в облегающих худые ноги джинсах, с небольшими аккуратными и наверняка упругими «баночками»-бицепсами и кубиками пресса над ремнём от джинсов — ну, то есть это тёте Оле так увиделось, наверное.

Пашка — сосед Чебурашки по подъезду, ему восемнадцать. Он учится в строяке — строительном колледже — и умеет делать некоторые виды ремонта, поэтому Чебурашка позвал его нам помочь. Тётя Оля — благодетельница. Она ходит в церковь и благодетельствует тем, кто, как она считает,

в этом нуждается. Она считает, что её благодетельство спасёт мою маман. И амёбообразное, конечно, уцепилось за неё и подчинилось. Подчинение — зарплата благодетелей.

На щеках у тёти Оли нарисовались два алых помидора, и она закрестилась. Она вся из кружков: щёки, нос, подбородок, глаза, голова, сгибы локтей, самый большой круг — живот. Даже имя у неё круглое.

— Людмила, это что? — решила всё же уточнить она. — Что здесь ПРОИСХОДИТ???

На мой взгляд, не происходило ничего, кроме того что Чебурашка от испуга уронил с высоты стремянки банку с краской. Стремянку принёс Пашка, такую, что они стояли с Чебурашкой на ней одновременно: один с правой стороны, выше, другой с левой, ниже на три ступеньки. Но тётя Оля заявила, что тут «вертеп и притон».

— Это мои... одноклассники, — обобщила я. — Они помогают мне делать ремонт. А что, нельзя?

Тётя Оля и юбки носит круглые: до полу и широкие, как у сувенирной бабушки на чайнике. Сегодня под юбкой у неё как будто возникли тоже шарики, а не ноги: так быстро она покатила по квартире. Разведка моторизованной техникой в наступательной операции. Однако ни в первой комнате, ни во второй она не обнаружила следов «вертепа и притона». Там не было вообще ничего: только стены, пол и потолок. Всю рухлядь, до последнего предмета, и диван тоже, мальчики выбросили на помойку. Тётя Оля стояла на пустом поле боя и обдумывала дальнейшую тактику нападения.

— А где ты спишь, Людмила? (Залп дальнобойной артиллерии.)

— На раскладушке. Очень узкой, прям еле помещаюсь. Она на балконе. (Мимо.)

Она прокатилась на балкон, но, кроме раскладушки и чемоданчика с моей одеждой, там ничего не обнаружила.

— Ты несовершеннолетняя, Людмила! Ты должна жить с матерью! (Мощный удар из крупнокалиберного орудия.)

— Да где же тут жить, тётя Оля? Я здесь просто делаю ремонт! А ездить через весь город к нам домой каждый день далеко, сами знаете. (Дым на поле боя сбивает ориентацию противника.)

Тётя Оля ещё раз перекрестила теперь уже всех нас, пошептала молитву, вздохнула и укатилась из квартиры. Теперь у них там с маман будет военный совет. Совет командарма с денщиком. Будь что будет, а сегодня благодаря моим военным расчётам всё кончилось хорошо.

4

Ещё три дня спустя мальчики перебрались ко мне жить.

Они никак это не объяснили, а я не спрашивала, что они говорят дома. Просто в один вечер они принесли надувной матрас, в котором «надо всего лишь заклеить дырочку», сказал Пашка. Подозреваю, кто-то из соседей хотел его выбросить, и надеюсь, что они не взяли его с помойки. На всякий случай я долго протирала матрас с мылом, пока тряпка не стала чистой. Пашка принёс суперклей и кусок голенища от старого резинового сапога, а Чебурашка — насос. Полчаса они занимались художеством, ещё три часа матрас сох. Потом они слюнявили заплатку и проверяли, проходит ли воздух, если матрас надуть. И когда они на нём растянулись, он их выдержал. Хотя дыра раньше была преогромная, мне кажется, они могли бы на нём даже попрыгать без опаски: Пашка худой, а Чебурашка весит, наверное, вообще как пёс средних размеров.

Я улеглась на раскладушке в этой же комнате.

О чём разговаривать, мы не знали. Поэтому мы с Пашкой молчали, а у Чебурашки от неловкости произошёл словесный понос. Он начал рассказывать, очень подробно, с перечислением пород и описаниями, как он разводит у себя дома